

Мономах устало опустился в свое кресло и вытянул под столом затекшие ноги: он устал, а ведь до конца рабочего дня еще так далеко! Он не привык трудиться в авральном режиме. Его клиника хоть и находилась в списке учреждений, оказывающих экстренную медицинскую помощь, на самом деле занималась этим нечасто: для таких вещей существует, к примеру, больница МЧС. Однако сегодня на пересечении Северного и Есенина произошла авария. Участок этот беспокойный, и на нем часто случаются дорожные происшествия, но в этот раз какой-то ненормальный за рулем новенького внедорожника «Тесла» (Мономах видел такие только на картинках в Интернете) на огромной скорости въехал в автобусную остановку, зацепив по пути машину, перевозившую то ли паломников каких-то, то ли сектантов... Это ж надо — пересечь в «экологичный» электромобиль, чтобы угробить троих и покалечить добрую дюжину людей — любитель природы, так его растак! Мономах уже провел две экстренные операции — слава богу, удачно, и позволил себе сделать перерыв. Больше всего сегодня достанется нейрохирургам...

В дверь деликатно поскреблись. Мономах безошибочно узнал «почерк» Алины Руденко, самой лучшей медсестрички во вверенном ему отделении ТОН (травматолого-ортопедическо-нейрохирургическом):

только она не стучала, а тихонько царапала дверь, словно кошка.

— Входи! — крикнул он, подавив вздох: надежда на отдых рушилась.

— Владимир Всеволодович, в приемном такая катавасия творится! — выпалила Алина, войдя. Ее невысокая, аккуратная фигурка в безупречно чистом белом халате и личико, обрамленное светлыми кудряшками, всегда наполняли Мономаха ощущением покоя и какой-то «домашности», но в данный момент медсестра выглядела взъерошенной и даже, пожалуй, испуганной.

— Что там творится? — проворчал он, недоумевая, с какой стати его должно интересовать происходящее в приемном отделении — в конце концов, Эдуард Бабиш, его заведующий, сам во всем разберется!

— Там люди, они такие странные...

— Странные?

— Ну, они в черных балахонах, с большими крестами, тетки в темные платки по самые брови замотаны!

Все ясно, сектанты! И надо же было им оказаться в той машине — как будто без них проблем мало!

— Они размахивают крестами, грозят казнями египетскими, пререкаются с персоналом, — продолжала девушка. — Владимир Всеволодович, может, полицию вызвать?

— Это еще зачем? — рассеянно поинтересовался он.

— Так они на медсестер кидаются, хватают их за руки и пытаются прорваться в реанимацию!

— Ну, это у них не получится: наверняка Нелидова мобилизовала охрану!

— Нелидовой нет на месте!

— Как это?

— Она на совещании в комитете. Бабиш не справляется!

— А начмед чем занят?

— Не знаю... Владимир Всеволодович, может, вы...

— Ладно, — крикнул он, поднимаясь из старого, порядком продавленного, но такого удобного кресла, успевшего за годы работы принять форму его тела — причина, по которой Мономах отказывался покупать новое, хотя оно и заложено в смету. — Пошли!

В приемном отделении и впрямь царила невероятная сумятица. Пациенты жались к стенкам, стараясь держаться подальше от шумной толпы в темных одеяниях, заполонившей небольшое помещение. Быстрым взглядом окинув странное сборище, Мономах сразу и безошибочно определил предводителя «митинга», вещавшего:

— Нехристи, креста на вас нету, ей-богу! Покайтесь во грехах или же сгорите в геенне огненной!

Произнося эти бессвязные реплики, высокий, грузный мужик, чем-то до боли напомнивший Мономаху Гришку Распутина, театрально закатывал глаза и грозно тряс густой окладистой бородой. Рядом с ним Мономах не без труда разглядел зава приемным Бабича, тщетно пытавшегося утихомирить буяна, и старшую медсестру Галину Нестерову, то и дело вырывающую локти из цепких рук сектантов.

— Товарищи, прекратите немедленно! — на пределе голосовых связок кричала она, пытаясь перекрыть непрекращающийся гомон и стенания. — Господа... люди-и-и!

В этот момент Бабич оглянулся, шаря беспомощным взглядом по лицам в поисках помощи, и зацепился за Мономаха.

— Владимир Всеволодович, ради всего святого, сделайте что-нибудь!

Интересное дело, «сделайте» — а сам-то чем занят?!

— Чего им надо-то? — спросил Мономах, помимо воли заинтересовавшись происходящим.

— Нам надобно пройти к рабу божьему Михаилу! — пробасил «Распутин». — Увидев своих братьев и сестер, он сразу встанет на ноги!

— Ну да, как же иначе-то! — сквозь зубы процедил Мономах.

— Владимир Всеволодович, их очень много! — по-детски дергая его за рукав, прошелестела Алина.

Мономах и сам это видел. Несмотря на то, что он сомневался в готовности этих людей применить физическую силу, само присутствие такого большого количества непонятных, одетых в черное личностей его нервировало и определенно пугало пациентов. Наверное, именно так чувствует себя белый человек, случайно оказавшийся в Гарлеме, в окружении чернокожих, не любящих чужаков! Только вот парадокс в том, что он, Мономах, у себя дома, в больнице, где проработал около двадцати лет, где ему знаком всякий угол и каждый таракан!

— Вы родственник? — обратился Мономах к «Распутину».

— Все мы здесь...

— По паспорту?

— Вот, — кто-то выпихнул вперед женщину лет пятидесяти в черном платке, надвинутом так низко, что он закрывал брови. — Она — его мать! Скажи, Серафима!

Серафима кивнула, не поднимая глаз. Мономах попытался встретиться с ней взглядом, но напрасно: женщина упрямо смотрела в пол. Он понял, что она скажет все, что потребует предводитель «банды».

— Кто такой этот... раб божий Михаил? — тихо он спросил у Алины.

— Молодой парень, Владимир Всеволодович. Тяжелая черепно-мозговая, перелом позвоночника... Да вы ж его оперируете через полчаса!

— Я? Он в сознании?

— В том-то и дело, что нет, а они вот говорят, что никакая операция ему не требуется, и что он и так выздоровеет!

— Значит, согласие подписать не может... Сколько лет вашему сыну? — поинтересовался Мономах у матери.

— Двадцать... двадцать три.

— То есть он совершеннолетний!

— И что? — с вызовом выпятил грудь «Распутин».

— А ваш раб божий женат али как?

— А как же, женат, конечно!

— А жена его где?

Вопрос, казалось, привел собравшихся в замешательство. Они начали переглядываться, женщины тыкали друг друга в бок локтями, но никто не решался заговорить первым.

— Жена Михаила отступила от веры! — высказался, наконец, все тот же «Распутин». — Не по пути им, значит!

— Но они не в разводе? — уточнил Мономах.

— А какое это имеет значение?

Мономах окинул группу, застывшую в напряженном молчании, победным взглядом.

— Имеет, имеет! — усмехнулся он, стараясь, чтобы радость не слишком явно звучала в голосе. — Видите ли, граждане дорогие, дело в том, что согласие на оперативное вмешательство женатого человека должна подписать жена, если, конечно, он сам не в состоянии это сделать. Так что будем ей дозваниваться... У кого-нибудь есть номер ее телефона?

— Нехристи окаянные! — взмахнул мощными ручищами «Распутин», всей тушей надвигаясь на Мономаха, Алину и напуганного до чертиков Бабича. — Проклинаю-у-у!

Толпа, словно волна, хлынула следом, тесня медиков к стене. И в этот самый момент Мономах увидел

за спинами враждебно настроенной группы поддержки «Распутина» начмеда Орловского, мелко семенящего во главе процессии, состоящей из четырех охранников в форме и двух довольно хилых, но явно решительно настроенных санитаров. Орловский относился к «гвардии» Муратова, бывшего главврача, снятого с должности за многочисленные нарушения и злоупотребление служебным положением, и злейшего врага Мономаха. Однако в отличие от большинства его ставленников, Орловский не пытался мешать Анне Нелидовой, вначале ставшей исполняющей обязанности, а потом и главврачом. Будучи человеком практичным, Орловский решил не искушать судьбу и, насколько знал Мономах, порвал все связи с впавшим в немилость Муратовым, предпочтя неизвестности свое теплое, заработанное тяжким трудом место. Поначалу он волновался, боясь, что Нелидова, как «новая метла», посчитает разумным избавиться от всех «бывших», но ничего такого не произошло: Анна проявила мудрость, оставив всех на своих местах, пытаясь понять, кто ей враг, а с кем можно договориться. Таким образом, умный и дальновидный начмед попал в число последних. Отношения Орловского с Мономахом можно было охарактеризовать одним словом — никакие. Им приходилось общаться, но исключительно по работе: Мономах с подозрением относился к тем, кто имел хорошие отношения с Муратовым, а Орловский пребывал в полной уверенности, что бывшего начальника спихнули только благодаря заву ТОН, хотя это совершеннейшая чушь: будь у Мономаха такая возможность, он бы воспользовался ею гораздо раньше и не стал терпеть Муратова столько времени!

— Ну, господа-товарищи, на выход! — громко командовал тот из охранников, что постарше. — Чтобы через пять минут в помещении остались только пациенты, оформляющиеся в стационар!

Видимо, внушительный внешний вид мужика произвел должное впечатление, и сектанты тонкой струйкой потянулись к выходу, боязливо оглядываясь на предводителя, продолжавшего упрямо стоять посреди приемного покоя.

— Эй, куда вы?! — возопил он, поняв, что остается в одиночестве. — Они не имеют права... они не могут его резать! Вернитесь, а не то прокляну!

Парочка последователей «Распутина» нерешительно замялась в дверях, тогда как остальные продолжили свой исход из отделения. Рядом с предводителем остались лишь две женщины, и одной из них была мать пострадавшего. Неожиданно Мономах поймал ее взгляд, полный робкой надежды, а вовсе не священного гнева. Она ничего не говорила, просто смотрела на Мономаха в течение нескольких секунд, после чего вновь опустила голову.

— Да мы... мы на вас в суд подадим! — продолжал разоряться «Распутин», лишившись почти всех своих соратников.

— Это вряд ли, — пожал плечами Мономах. — Оперативное вмешательство проводится по жизненным показаниям, поэтому нам не требуется ничье разрешение. Тем не менее мы обязательно разыщем жену Михаила...

— Эту отступницу!

— ...и она, уверен, подпишет согласие на операцию, — закончил Мономах. — А вот вы, уважаемый, если не уйдете, можете схлопотать судебный иск от больницы за нарушение порядка!

Распутин еще немного поломался, однако все же счел, что сопротивление бесполезно, и ретировался. Мать пострадавшего и другая женщина последовали за ним.

— Уф-ф, слава тебе господи! — с облегчением выдохнул Бабич. — Я уж было подумал, что они нас затопчут!

– Владимир Всеволодович, – едва слышно проговорила Алина, – как вы думаете, он нас всерьез, того...

– Что?

– Ну... проклял?

– Алина, ты же взрослая девочка, не болтай глупостей! – отмахнулся Мономах. – А вы вовремя, Борис Константинович! – добавил он, обращаясь к Орловскому.

– Ну, гляжу я, вы и без нас справлялись! – усмехнулся начмед, хотя вряд ли ему и в самом деле было весело: человек осторожный, Орловский страшно боялся всяких заварух – видимо, это и стало решающим фактором в его отказе продолжать линию Муратова и отстаивать его интересы. Повернувшись к пациентам, он громко объявил:

– Уважаемые граждане, инцидент исчерпан! Пожалуйста, продолжайте... ну, то, чем занимались до случившегося!

С этими словами он развернулся и, выпятив грудь, двинулся прочь. За ним размашистым шагом шли охранники.

– Пряма Бонапарт, не иначе! – пробормотал Бабич и тут же кинул опасливый взгляд на Мономаха – не воспользуется ли тот его промахом в минуту стресса и не передаст ли позже эти слова начальству. Однако Мономах, хмыкнув, согласно кивнул: Орловский и впрямь походил на «маленького генерала», особенно когда полагал, что совершил нечто стоящее. И ведь совершил же, кто спорит-то! Если бы не его своевременное появление, пришлось бы драться с «Распутиным», и Мономах не был уверен, кто одержал бы при этом верх. Но гораздо больше здоровенного громилы его в этом случае беспокоила бы женская часть «паствы»: бабы порой похуже до зубов вооруженных солдат, честное слово!

Идя по длинному коридору к кабинету Деда, как все за глаза называли руководителя следственного управления Андрона Петровича Кириенко, Алла испытывала одно-единственное чувство — любопытство. То, что он лично решил с ней встретиться, говорило об одном: у начальника имеется поручение, которое либо не связано с ее обычными обязанностями, либо, что беспокоило гораздо сильнее, касается каких-то высокопоставленных лиц. Алла привыкла, что периодически ей приходится иметь дело с сильными мира сего или знаменитостями, но каждый раз она чувствовала себя так, словно ходит по тонкому льду, вот-вот готовому треснуть и обрушиться прямо под ее ногами. Так что же нужно Деду сейчас?

— Сколько у тебя дел в работе? — без обиняков спросил начальник, как только они поздоровались, и Алла расположилась на стуле напротив него.

— Три, — осторожно ответила она, ожидая подвоха: Кириенко отлично знал, сколько у нее чего, ведь только пару дней назад она отправила ему подробный отчет о текущей ситуации в отделе, а Дед славился тем, что тщательно изучал любые документы.

— Тогда я, пожалуй, подкину тебе, гм... «подарочек», — резюмировал он. Даже сам тон Кириенко не сулил ничего хорошего: «подарочек», видать, с двойным дном! — Представь себе: приезжает пожилая дама с дачи, решает проведать квартиру дочери, которая уехала в паломничество...

— Куда уехала, простите? — перебила удивленная Алла.

— В паломничество, — повторил генерал-майор.

— В Иерусалим?

— Господи, как же ты далека от духовной жизни, подруженька! — всплеснул он руками. — Ну почему же

сразу в Иерусалим или Афон, а? Паломничество по монастырям Ленинградской области всего лишь!

— А-а... — пробормотала Алла: она и впрямь мало что смыслила в религии, и ее знания ограничивались историческими романами да кратким курсом времен университета. Аллу нельзя было назвать в прямом смысле атеисткой — она, несомненно, верила в некую высшую сущность, которая, худо-бедно, регулирует то, что нас окружает, но все, связанное с церковными праздниками, обрядами и молитвами, вызывало у нее чувство, близкое к панике: такое случается с людьми, попадающими в чуждую для них среду, в которой они не знают, как себя вести, а потому совершают одну ошибку за другой и еще больше тушуются. — Ну и что случилось с вашей пожилой дамой?

— С ней-то, слава тебе господи, ничего не случилось, а вот с квартирой дочери — да.

— Что, ее продали, пока старушка копала грядки? — наобум предположила Алла.

— В точку!

— «Черные» риелторы?

— Похоже на то.

— А что сама блудная дочь говорит? Она подписывала какие-то документы или...

— Подписала сделку купли-продажи, да.

— А подпись...

— Подпись ее — мать провела графологическую экспертизу.

— Какая оборотистая дама! — пробормотала Алла. — А что, нельзя было позвонить дочери и спросить, что происходит?

— В том-то и проблема: мать уже пару месяцев не может до нее дозвониться!

— О как... А нельзя ли связаться с компанией, которая организовывала тур... паломничество то есть?

— Там говорят, что ничего не знают ни о каких квартирах — в принципе, я в это даже верю! В паломничество ездили сорок человек, все вернулись, кроме одной.

— Интересно... Да, Андрон Петрович, интересно, но, по-моему, далеко от моей специфики! Мы же по особо тяжким, а тут — нет тела, как говорится, нет...

— Дело есть, Алла, и вот тебе доказательства!

И Дед пасанул ей по столу картонную папку. Раскрыв ее, Алла углубилась в чтение.

— Значит, еще три похожих случая? — уточнила она минут через пять.

— Как видишь, начальство тоже малость работает! — ухмыльнулся Кириенко.

— Квартиры проданы в разное время... Вот, Надежда Гулькина — в прошлом году, Вероника Сурикова — больше полугода назад...

— Да, и обстоятельства разные, — перебил Кириенко. — Местная полиция, как ты понимаешь, разбираться не стала: подписи на бумагах не поддельные, сделки оформлены чисто, и в возбуждении дел было отказано.

— А что говорят потерпевшие?

— Вот это ты мне и расскажешь, когда с ними поговоришь! — откидываясь на высокую спинку кресла, удовлетворенно произнес начальник.

— Кто-то из потерпевших оказался большой шишкой? — предположила она. — Вы уж меня простите, Андрон Петрович, но они сумели задействовать целого генерал-майора...

— Ты же знаешь, я от тебя ничего не скрываю... Ну, или почти ничего! Да, есть человек, у которого есть человек... Ну, ты понимаешь!

Алла отлично понимала: не будь такого «человечка», который способен добраться до руководителя следственного управления, Кириенко и пальцем бы не пошевелил ради такой тривиальной ситуации! Не-

даром же ее отдел занимается раскрытием особо тяжких преступлений, как правило, связанных с убийствами, а тут — подумаешь, квартиры... Но кто-то ведь должен разобраться с проблемой, если она возникла! С другой стороны, раз местные органы полиции отказали в возбуждении уголовных дел, значит, для этого не нашли оснований. Или не захотели разбираться, ведь квартирные аферы — одни из самых сложных, и найти необходимые концы, чтобы благополучно довести их до суда, почти невозможно! Алла и сама терпеть не могла такие дела: нотариусы и риелторы поднаторели в совершении сомнительных сделок, на них работают хорошие юристы, и доказать ничтожность сделки при наличии подлинной подписи на документах купли-продажи весьма затруднительно.

— Ну, не хмурься! — сказал Кириенко, заметив, что Алла не в восторге от поручения. — Это дело и выеденного яйца не стоит: докажи, что все продавцы сами и без принуждения подписали бумаги — и всё!

Легко сказать, «всё»! Нужно встретиться со всеми потерпевшими, которые, скорее всего, станут утверждать, что ничего не подписывали, не читали документы, не понимали, что делают и так далее...

— Хорошо, Андрон Петрович, я постараюсь что-нибудь выяснить, — подавив вздох, сказала Алла.

— Это все, о чем я прошу — постарайся! — обрадовался генерал-майор, и Алла поняла, что выбор у нее был — она сама себя его лишила, так легко согласившись. Дед коварно использовал их теплые личные отношения! Что ж, за все нужно платить, и за благосклонность начальства — тоже.

* * *

Наконец этот длинный день подошел к концу. «Раба божьего Михаила» успешно прооперировали, сектанты больше не появлялись, по-видимому, испугавшись

охранников, и Мономах уже почти забыл об инциденте, который, к счастью, закончился благополучно. Позвонив домой, он поговорил с Сархатом и убедился, что Денис давно вернулся из своей спецшколы и сейчас зависает в интернете с друзьями. Впрочем, Мономах вполне доверял своему новому подопечному, который оказался на удивление ответственным для своих семнадцати лет: Денис не болтался по улицам в сомнительных компаниях, не имел вредных привычек за исключением пристрастия к фастфуду и компьютерным играм. Вместо этого он усердно занимался, всерьез увлекался физикой, математикой и кибернетикой, участвовал и, что характерно, брал первые места на олимпиадах среди школьников и студентов, обещая стать дельным человеком и, возможно, даже большим ученым. Так что с тех пор, как он оформил над Денисом опеку, Мономах ни разу не пожалел о своем поступке¹. Он даже радовался, что у Сархата появился приятель, близкий ему по возрасту. А вот друг Мономаха, зав патологоанатомическим отделением той же больницы Иван Гурнов, посмеивался над ним, считая, что у приятеля слишком большое сердце, раз он собирает под свое крыло мигрантов и детей-сирот, хотя и имеет родного взрослого сына. Но Иван всегда отговаривался, что это он, дескать, от зависти, ведь у него самого, несмотря на несколько браков, детей так и не получилось.

Мономах взглянул на висящие на противоположной стене часы: скорее всего, парни сейчас выгуливают Жука, громадного ирландского волкодава, доставшегося ему после отъезда сына в Москву...

Стук в дверь заставил его оторваться от размышлений. Кого еще несет в такое время? Неужели

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Горькое лекарство».

ли опять какие-то проблемы? А он-то уже наострил лыжи домой!

Посетитель не стал дожидаться приглашения и, толкнув дверь, вошел в кабинет. Мономах во все глаза смотрел на человека, которого меньше всего ожидал увидеть, но которому всегда был рад, невзирая на то, до какой степени занят или устал.

— Олежа?! — воскликнул он, вскакивая с места и все еще не веря своим глазам. — Это и вправду ты?

Высокая, худощавая фигура в черном костюме не оставляла сомнений: перед Мономахом и в самом деле стоял его сводный брат Олег Князев. Черными были не только брюки и пиджак, но и рубашка — брат предпочитал этот цвет всем другим. Волосы его тоже были цвета воронова крыла — наследие матери, студентки из Шанхая. При всем этом можно было ожидать желтоватого цвета кожи и темных глаз, однако природа распорядилась по-своему: белая кожа и светлые, как у Мономаха и их общего отца, глаза Олега Князева говорили о смешении рас так же красноречиво, как и их восточный разрез. А вот рост под два метра явно достался ему не от Всеволода Владимировича: в их роду мужчины гигантами не были. Возможно, кто-то из родственников матери был настоящим великаном, хоть и принято считать, что китайцы — народ низкорослый.

— Это и вправду я, — с улыбкой ответил на вопрос Мономаха вошедший и сердечно обнял брата, с которым не виделся больше года. Они постоянно общались по телефону и по скайпу, но это ведь не сравнить с личными встречами, а так как оба являлись людьми занятыми, разъезжать между Питером и столицей позволить себе не могли.

— Неужели в гости? — с надеждой спросил Мономах.

— Шутишь? Конечно, по работе!

Работа Олега оставалась для его брата областью непознанной — впрочем, как и для большинства людей:

Олег Князев служил в Московской патриархии. Сана он не принимал, поэтому Мономах не представлял, какие именно поручения патриарха выполняет брат. Стоило ему спросить об этом, Олег пускался в пространные объяснения, но никакой реальной информации не давал — создавалось впечатление, что он работает не на РПЦ, а на ГРУ! Со стопроцентной уверенностью можно было утверждать одно: Олег Князев достаточно приближен к персоне первосвященника, чтобы обладать огромным объемом информации, за которую многие заплатили бы любые деньги.

— Что, кто-то из ваших проворовался? — поинтересовался Мономах. Хоть он и не разбирался в тонкостях духовной жизни, но новости смотрел регулярно, и периодически скандалы, связанные с церковью, достигали его ушей. В последнее время их стало больше, и Мономах понимал, что его сводный брат, скорее всего, находится в самом их эпицентре.

— Что-то типа того, — как всегда, уклончиво ответил Олег. — Тебе привет от сынули, кстати, — добавил он, явно спеша перевести разговор на другую тему. — Мы с ним обедали в прошлое воскресенье.

Одной из причин спокойствия Мономаха за проживающего в Москве сына было то, что он находился под присмотром дяди, который никогда не называл его племянником — только сынулей. Мономах полагал, что Олегу давно пора бы и самому обзавестись потомством, но тот пресекал любые разговоры на эту тему, говоря: у нас есть Артемка, и этого достаточно.

— Здорово, что ты вырвался! — сказал Мономах, поняв, что брат не желает говорить об истинной цели приезда. — Сейчас поедем вместе домой, я познакомлю тебя с ребятами...

— Вова, погоди, не кипишись! — остановил его Олег. — Я не могу остаться, надо дело сделать. Это займет пару дней, — добавил он, заметив, как вытянулось

от огорчения лицо брата. — Когда я вернусь, мы обязательно проведем вместе несколько дней, обещаю!

Мономаху вдруг вспомнилось, что точно так же увещевал его старший брат, когда они были детьми: Олег всегда выполнял обещания, поэтому только он мог успокоить маленького Вовку и уговорить его сделать то, чего не могли добиться от младшего сына родители. Прошло сорок лет, но, похоже, ничего не изменилось!

— Так ты приехал для того, чтобы сказать, что уезжаешь? — спросил Мономах.

— Не только. Вот, тут Артемка тебе передал подарок, — и Олег, раскрыв дипломат, вытащил небольшой сверток. — Не знаю, что там, но, надеюсь, что-то хорошее! А еще мне захотелось увидеть тебя живьем, а не на экране компьютера — разве это так странно?

— Нет, конечно, но...

— Или ты не рад моему появлению?

— Не мели чепухи, я всегда тебе рад, просто...

— Просто ты расстроен, что я не могу остаться, верно, братишка? Ну, не огорчайся, ведь я скоро вернусь! На самом деле, я не думал, что застану тебя на работе — засиделся ты! Что, каждый день так?

— Кто бы говорил! Куда конкретно ты намылился, можешь сказать? Где оно, дело-то твое?

— В Ленобласти. Название места тебе ничего не скажет, поверь!

— Я могу хотя бы проводить тебя до поезда?

— Да я на машине, не волнуйся. Давай ты проводишь меня до выхода...

— Может, лучше с утра выехать? — с сомнением предложил Мономах. — Чего на ночь глядя...

— Да ничего, время детское, да и ночи белые! Ну, пойдем, что ли?

Проводив Олега до машины, Мономах помешкал на стоянке, глядя, как черная «Тойота» брата выезжа-

ет за ворота. На душе у него отчего-то было беспокойно. Почему Олег не предупредил, что будет проездом, и почему решил заскочить всего на полчаса до того, как отправится по делу, а не заехал уже после этого — неужели только ради подарка от Артема? Ну да, сын пропустил его день рождения, но он был уже давно, и торопиться не имело смысла...

Сев в машину, он развернул сверток. В нем находилась плоская бархатная коробочка. Открыв ее, Мономах увидел темно-синий циферблат часов, покоящийся на подушке того же цвета. Он не разбирался в таких вещах, но не мог не признать, что в хорошем вкусе сыну не откажешь: часы хороши! Но мысли Мономаха были заняты братом.

Близилась середина июня, и постепенно становилось темнее. За стеклом потихоньку сгущались сумерки: просто удивительно, как быстро наступает и проходит красивый период белых ночей, уступая место обычной смене времени суток! С другой стороны, впереди все лето и долгожданный отпуск. Если повезет, Олег, Мономах и Артем проведут его вместе... А если захотят и Сархат с Денисом, будет просто здорово!

Пока он ехал по городу, приходилось держаться настороже: движение в этот час было оживленным, и поток машин казался нескончаемым, медленно перетекая с одной улицы на другую. Только выехав на загородное шоссе, Мономаху удалось расслабиться и предаться воспоминаниям.

Он не помнил, как Олег появился в их доме — это мама рассказала, когда ему исполнилось лет десять. До того момента маленький Вова искренне считал, что старший брат — родной сын мамы и папы. А в то время, когда это произошло, ему едва исполнилось три года. Папа пришел домой не один, а с высоким, худеньким черноволосым мальчиком. Подтолкнув его вперед, он обратился к сыну со словами:

— Вот, Вовка, это — твой брат. Его зовут Олег. Он старше, поэтому ты должен его любить и слушаться, ясно?

Мама хотела было возразить, но не успела: малыш быстро удалился в детскую. Родители растерянно переглянулись. Они так долго обсуждали, как представить Олега братишке, а до того Всеволоду Владимировичу пришлось рассказать жене, при каких обстоятельствах он появился на свет, но они не ожидали столь демонстративного поведения от своего добродушного сынишки. Однако они не успели это обсудить, потому что Вова снова вышел в коридор. В руках у него была машинка. Не просто *какая-то* машинка, а самая любимая, подаренная отцом на последний Новый год. Таких машинок в эпоху тотального дефицита было днем с огнем не сыскать, и Князеву-старшему пришлось специально заказывать ее в Москве через друзей. Вовка никогда не выносил игрушку на улицу, где ею могли завладеть другие дети — он пользовался ею единолично. И вот, подойдя к совершенно незнакомому мальчику, представленному старшим братом, он протянул ему машинку. Родители чуть не прослезились. Если у мамы и имелись сомнения, как маленький Олег впишется в их семью, то в тот самый момент они отпали.

Всеволод Князев познакомился с юной студенткой из Китая Янг Венлинг, приехавшей по программе студенческого обмена, на четвертом курсе медицинского института. Венлинг с первого взгляда поразила молодого человека экзотической, тонкой красотой, какая встречается лишь у уроженок Юго-Восточной Азии. Ее фарфоровая кожа резко контрастировала с темными и блестящими, как крыло ворона, волосами, свободно струившимися по плечам подобно черному золоту, а глаза на солнце казались синими, хотя на самом деле имели очень глубокий карий оттенок. Венлинг увлекалась культурой России еще на родине и не-

плохо болтала по-русски, поэтому они с Севой быстро нашли общий язык: симпатичный однокурсник, абсолютно не похожий на ее соотечественников ни внешне, ни ментально, не мог не приглянуться китаянке. Молодые люди подружились, начали встречаться. Ну и как водится в таком возрасте, случилась любовь. О браке они не задумывались. Вернее, Севу посещала подобная мысль, но его удивляло то, что Венлинг никогда об этом не заговаривала. Лишь позже он узнал почему. Семья возлюбленной занимала высокое положение в КНР: ее отец был одним из первых бизнесменов республики, попавшим в нужную струю и занявшись электроникой. Частное предпринимательство в Китае разрешили в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, и товарищ Янг быстро пошел в гору. Само собой разумеется, брак единственной дочери такого человека являлся делом чести, и иностранец в качестве мужа для Венлинг даже не рассматривался. Девушка отлично знала как обычаи собственной страны, так и характер отца, поэтому она наслаждалась счастьем с любимым, стараясь не думать о будущем.

Венлинг уехала неожиданно. В один прекрасный день Сева получил от нее короткое письмо. Она писала, что специально не предупредила его об отъезде, боясь, что не сумеет держать себя в руках. Отец договорился о ее свадьбе, поэтому ей пришлось срочно возвращаться в Шанхай. В конце письма Венлинг добавила, что она очень виновата перед любимым, так как не сказала ему, что их красивый роман непременно закончится расставанием, но у нее не было выхода. Сева сильно переживал, считая, что Венлинг его предала: в двадцать лет трудно понять чуждую психологию, и он искренне полагал, что все можно было решить, если бы возлюбленная действительно этого хотела. Однако время шло, и молодость брала свое. Через год Всеволод Князев познакомился с Томочкой.

Она только поступила в медицинский, и молодые люди встретились на какой-то студенческой вечеринке. Когда Володя закончил институт и поступил в ординатуру, они поженились. Вскоре у пары родился сын.

Венлинг снова ворвалась в их жизнь неожиданно, когда Сева почти стер из памяти воспоминания о своей экзотической возлюбленной. Вернее, ворвалась не она, а ее подруга, которую он никогда в жизни не видел. Эта женщина позвонила ему и попросила о встрече, сказав, что Венлинг нет в живых, но у нее есть для него важная информация. Заинтригованный, Володя отправился на встречу. Визави оказалась важной немолодой дамой, определенно очень состоятельной, и прибыла она с личным переводчиком, так как не знала ни слова по-русски. Она рассказала, что по возвращении в Шанхай Венлинг выяснила, что беременна. Аборт делать было поздно, да она и не хотела этого, так как желала сохранить память о том, кого по-настоящему любила. Ли Нинг попыталась объяснить молодому русскому парню, что Венлинг не могла пойти против своей семьи. Если бы она вздумала противиться отцовской воле, он не только лишился бы ее наследства, но и порвал бы все связи, она стала бы изгоем, а представить такое человеку с китайским менталитетом почти невозможно. У Венлинг была большая, дружная семья, пять братьев, которые очень любили и лелеяли младшую сестренку, и она не могла решиться на разрыв. Кроме того, такая ситуация навлекла бы позор на отца: его деловые партнеры узнали бы о том, что дочь ослушалась и против его воли вышла замуж за чужака, а это было неприемлемо. Нельзя сказать, чтобы Всеволод до конца осознал всю тяжесть положения бывшей возлюбленной, но рассказ Ли Нинг кое-что прояснил для него и заставил задуматься. Он понял, что Венлинг следовала традициям и обычаям своего народа, и он не имел права

винить ее за это. Она родила сына и назвала его Гуан Шэнь-Шань. На русском языке это слово означает «священный» и соответствует имени «Олег». Несмотря на то, что, в отличие от Японии, где для полукровок есть специальное название — «хафу» и где их презирают и считают людьми второго сорта, а в Китае такого нет, внебрачный сын Венлинг пришелся не ко двору. Свадьба состоялась, хоть и с опозданием, но мальчику в ее новой семье были не рады. Его растила бездетная тетя Венлинг, а мать могла видеться с сыном лишь урывками, так как муж ее был против этих встреч: он не простил жене того, что она не просто имела связь с иностранцем, но еще и решила сохранить ребенка! В откровенных беседах с Ли Нинг подруга не раз сетовала на то, что не сообщила Володе о своей беременности и рождении сына, и порой даже говорила, что, возможно, следовало отдать мальчика отцу, но он вряд ли этого захочет — так она полагала. Венлинг с мужем попали в аварию во время деловой поездки в Гонконг. Он выжил, она — нет. Таким образом, маленький Гуан Шэнь-Шань оказался никому не нужен, ведь Венлинг платила тете щедрое содержание, а теперь муж, как ее единственный наследник, отказался это делать. И тогда Ли Нинг решила сделать то, чего хотела покойная подруга, а именно — отправить сына к отцу, который, возможно, сможет его полюбить, ведь он — его плоть и кровь, воспоминание о прекрасной истории первой любви, которая, хоть и закончилась неожиданно, но оставила глубокий след в памяти обоих влюбленных.

Пусть Володя и узнал впоследствии, что Олег не приходится маме родным сыном, лишь годам к тридцати он полностью осознал, какая она великая женщина. Тамара Михайловна сумела сделать так, что до определенного возраста младший сын понятия не имел о происхождении старшего брата. Она не дела-

ла различия между детьми, и ни Олег, ни Владимир не сомневались, что она и любит их одинаково. Более того, Вовке порой казалось, что она отдает предпочтение Олегу! Даже если чувство ревности и поднимало порой голову в его душе, он нисколько не удивлялся этому факту, ведь старший брат был гораздо лучше него — более послушным, ответственным, умным и, самое главное, исключительно добрым и абсолютно не капризным. Вова, напротив, рос шаловливым, шумным мальчишкой, способным на всякого рода озорство. Маме не раз приходилось краснеть за младшего сына в кабинете сначала заведующей детсадом, после — классного руководителя и даже директора, в то время как старший никогда не доставлял родителям ни малейших неприятностей. С самого начала Олег принялся опекать младшего братишку, который обожал его и пытался во всем подражать, но не мог в силу своего непоседливого, шепутного характера. С детства Олег тащил в дом всякую живность, найденную на улице, — покалеченных кошек, собак и птиц. Он научился лечить их и ухаживал за ними сам, поэтому родители не препятствовали этому, видя, что сын сознательно берет на себя ответственность. Маленький Вова с интересом наблюдал, как старший брат делает уколы антибиотика полудохлым голубятам и кормит их через зонд, пока они не научатся питаться самостоятельно. А еще братья подбирали стрижей — птенчиков, выпавших из гнезда, или взрослых особей, получивших травмы. Олег кормил их сверчками и муравьиными яйцами, а когда птенцы подрастали и крепили, братья шли в парк, расположенный неподалеку от дома, и выпускали их на волю. Этот процесс нравился Вове больше всего — смотреть, как самая быстрая на свете птица, вибрирующая в коробке, словно самолет на взлетно-посадочной полосе, взмывает в небо, постепенно набирая высоту и, наконец, исчезает в вы-

шине, не испытывая ни малейшей благодарности за спасение жизни! Но Олегу того и не требовалось — он получал удовольствие от процесса, радуясь, если его усилия приносили плоды, и искренне и глубоко огорчаясь, если спасти питомца не удавалось. Иногда стрижи жили у них дома годами, ведь если птенец не был готов к самостоятельному полету, ничего не оставалось, как поселить его на занавесках, которые из-за этого приходилось часто стирать. Мама и папа полагали, что старшему сыну прямая дорога в медицину, в то время как младший, особенно набедокурив, получал от них «путевки» в дворники или ассенизаторы. Однако они ошиблись как в первом, так и во втором.

Другим большим увлечением Олега была история. Особенно его интересовали знаменитые сражения. Отец, зная об этом, покупал старшему сыну разнообразных солдатиков, от древнеримских воинов до бойцов наполеоновской армии. Олег с Вовкой представляли их на ковре, как на поле боя, и старший показывал младшему, как проходила та или иная битва. Братишка не отличался усидчивостью и вдумчивостью, зато чего у него было не отнять, так это великолепной памяти: пару раз проиграв сражение на ковре, он мог с точностью воспроизвести действия игрушечных вояк. Когда он с упоением рассказывал у доски историю Пунических войн или описывал битву при Аустерлице, учительница истории задавалась вопросом, кто из них лучше разбирается в том, как действовали инфантерия и кавалерия в каждый конкретный момент, и во что были одеты драгуны, гусары, кирасиры или уланы.

Несмотря на то, что обычно Олег являлся примером для Вовки и придумывал все игры и прочие занимательные развлечения, именно младший брат первым пришел на скалодром. В то время этот вид спорта только набирал обороты, и мало кто им занимался

в Советском Союзе. Отец возражал, полагая, что сыну достаточно футбольной секции и плавания, но мальчишка проявил не свойственную ему доселе настойчивость, и Всеволод Владимирович сдался. Олег занимался боксом и баскетболом, но заразился от младшего брата «вирусом альпинизма» и тоже стал ходить на скалодром, хотя тренер сомневался, что с его высоким ростом это хорошая идея. Тем не менее со временем увлечение переросло в настоящую страсть, и оба брата каждое лето проводили в походах с тренером и группой таких же одержимых горами ребят. По окончании школы Олег не бросил заниматься, и теперь уже он брал младшего брата с собой в поездки на Кавказ, где они проводили время только вдвоем наедине с природой. Сейчас Мономах вспоминал те дни как самые счастливые в жизни!

Притормозив у забора, он вышел из машины и вдохнул полной грудью свежий воздух еще молодого лета. Июнь был его любимым месяцем, хотя в Питере он редко выдается по-настоящему теплым и солнечным. Зато ни один другой летний месяц не может похвастаться первозданной свежестью зелени, головокругительными запахами первой скошенной травы и сумасшедшими трелями невидимых в листве голосистых пернатых певцов. Здесь, за городом, все эти прелести ощущались сильнее, чем в городе, где в идеальную природу вмешиваются гарь и копоть от транспортных выхлопов, несмолкаемый гул мешает слышать пение птиц, а разнообразные городские запахи, в том числе и неприятные, не дают аромату травы и цветов пробиться к человеческим рецепторам.

Громадная туша едва не повалила Мономаха на землю, наскочив на плечи сзади, беспрерывно поскуливая от счастья: Жук решил сделать хозяину сюрприз и подкрался незаметно, перепрыгнув через забор за домом. С трудом стряхнув с себя тяжеленного пса,